

Творчество Ф.М. Достоевского - это уникальный феномен русской литературы, с которого берет свое начало психологический роман. Художественные приемы, которые использовал писатель для полного изображения диалектики человеческой души, имели огромное влияние на формирование философской мысли. Достоевский стал основоположником принципиально нового романа, в основе которого лежит не монологизм авторского начала, а прием, который русский философ и исследователь М.М. Бахтин определил как «полифонизм».

Теоретической основой полифонического принципа в творчестве Достоевского стало изображение множественности сознаний, среди которых находится и сознание автора, но не возвышающееся над остальными, а находящееся рядом. Авторская позиция отсутствует в отношении к многоголосью персонажей романов. Каждый герой – носитель своего собственного сознания, голоса, точки зрения. С помощью полифонизма Достоевский изображает объективный спор, идеологическое столкновение двух и более точек зрения, которые лишены авторского вмешательства. Каждый голос в романе – это проявление обособленного сознания и характера героя.

В чем же заключается смысл использования приема полифонизма Достоевским? Он является величайшим новатором. Исключительная одаренность писателя заключалась в том, что он мог воспринимать сразу несколько объективных точек зрения своих персонажей, которые так или иначе взаимодействовали друг с другом. Это порождает одновременное сосуществование нескольких разных по идеологической основе миров в одном романе.

Возникновение полифонического романа характеризуется его противопоставлением роману монологическому, в котором преобладают взгляды и оценка авторской позиции. Подобное изображение самостоятельности человеческого сознания, возможность персонажа самому сказать о себе, заявить о себе и своих идеалах миру свойственно полифоническому роману. Этот прием мы можем наблюдать в так называемом «пятикнижье» Достоевского, в которое входят самые знаменитые романы писателя, принесшие ему мировую славу: «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1878-1880).

Мне бы хотелось рассмотреть, как же проявляется художественный принцип полифонизма в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Главным средством раскрытия характеров и идейных представлений героев служит диалог или спор. Именно в коммуникации друг с другом развивается знание героя не только об окружающем его мире, но и о самом себе.

Противоборство нескольких точек зрения ярко выражается в спорах Ивана и Алеши Карамазова.

Например, позиции, которые герои занимают в отношении Бога и религии прямо противоположны друг другу. Существует мнение, что фраза «Если Бога нет, то все дозволено» принадлежит Ивану, однако прямая цитата в тексте отсутствует. Однако, Иван не только не опровергает, но и подтверждает слова Миусова, сказанные о взглядах Ивана:

«Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия». [Ф.М. Достоевский. Соч. в 15 тт., т. 9, Братья Карамазовы, С. 93].

Невозможно оставить без внимания позицию Ивана о «вседозволенности», ведь он является продолжателем теории Раскольникова из романа «Преступление и наказание»:

«Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...» [Ф.М. Достоевский. Соч. в 15 тт., т. 5, Преступление и наказание, С. 474].

Душа Ивана – душа атеиста, рационалиста, полная богоборства и отрицания – вступает в диалог с душой Алеши, преисполненной христианской любовью к Божьему миру и к людям.

Несмотря на то, что роман «Братья Карамазовы» задумывался как роман об одном герое – Алеше, в книге этот персонаж выступает в качестве слушателя, которые полностью понимает и принимает людей такими, какие они есть. Также стоит сказать, что авторская позиция ближе всех находится к позиции Алеши о

«всепрощении», которое заслуживает каждый. Алеша воспринимает Ивана как «загадку», которую не суждено никому разгадать, однако он, как старец Зосима, ощущает в Иване великую мысль, кровоточащую и мучающую брата. Алеша – персонаж иного типа. В нем автор видит спасение всех страдающих душ. Именно благодаря глубоким идеям гуманизма, по мнению Достоевского, можно прийти к искренним, настоящим взаимоотношениям между людьми и миром.

Рассудительность, отсутствие чувства жалости и холодность Ивана к окружающим людям выливается в трагедию для семьи Карамазовых. Внутренняя борьба Ивана оборачивается крайней пассивностью по отношению к конфликту Дмитрия и отца, а его разговор со Смердяковым перед отъездом в Москву убеждают внебрачного сына в том, что «все позволено». В конце концов происходит сплетение сразу нескольких идейных концепций героев и характеров героев, которые оказываются полностью или частично виноватыми в случившейся трагедии.

Иван осознает свое косвенное влияние на Смердякова, который и совершил убийство, и понимает, кто на самом деле виновен в этом преступлении. Как и Раскольникова, его начинают мучать галлюцинации, совесть героя не на месте, его по всюду сопровождает черт, и в конце концов Иван сваливается в горячке. Достоевский мастерски изображает не только конфликт нескольких сознаний героев, но и внутриличностный саморазвивающийся конфликт души.

По сути, роман «Братья Карамазовы» о решении бытийных проблем о Боге, бессмертии души, альтруизме, о решении онтологических вопросов добра, зла, справедливости и совести. Носителями этих идей становятся именно три брата: Дмитрий, Иван и Алеша. При этом каждый герой является носителем собственных взглядов, собственного сознания, которое так или иначе вступает в противоборство с другими.

В разговоре Ивана со старцем Зосимой отображается глубокое духовное страдание, которое исходит от неверия:

«—Нет добродетели, если нет бессмертия. (говорит Иван, прим.автора эссе)

— Блаженны вы, коли так веруете, или уже очень несчастны!

— Почему несчастен? — улыбнулся Иван Федорович.

— Потому что, по всей вероятности, не веруете сами ни в бессмертие вашей души, ни даже в то, что написали о церкви и о церковном вопросе». [Ф.М. Достоевский.

Соч. в 15 тт., т. 9, Братья Карамазовы, С. 94].

Позиция, которую занимает Алеша, крайне отличается от атеистических убеждений брата. Он противопоставляет идею «разрушить в человечестве идею о Боге» противоположными взглядами о бессмертии души:

«Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то сейчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю». [Ф.М. Достоевский. Соч. в 15 тт., т. 9, Братья Карамазовы, С. 35]. По сути своей, Алеша является воплощением христианской веры, оправданием существования Божьего мира. Именно это становится идеологическим конфликтом между Иваном и Алешей.

Убежденный атеист пытается столкнуть Алешу с праведного пути, аргументируя свое неверие «несправедливостью» мира, казалось бы, нерушимым доводом:

«Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? ... Не стоит она слезинки хотя бы только одного только того замученного ребеночка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженьке»! ... Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить?» [Ф.М. Достоевский. Соч. в 15 тт., т. 9, Братья Карамазовы, С. 326-327].

Неопровержимый аргумент оказывается опрокинутым ужаснувшимся Алешей. Разумеется, он поддерживает идею брата в том, что невозможно достигнуть мировой гармонии на слезинке ребенка, однако Алеша верит во «всепрощение», которое даруется Богом:

«...существо это есть, и Оно может все простить, всех и вся и за всё, потому что Само отдало неповинную кровь Свою за всех и за всё. Ты забыл о Нем, а на Нем-то и зиждется здание, и это Ему воскликнут: «Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои». [Ф.М. Достоевский. Соч. в 15 тт., т. 9, Братья Карамазовы, С. 328].

Достоевский изображает столкновение не только проблемы бытийного содержания, но и любовного. Возникает полифония сразу четырех голосов, исходящих только от двух персонажей. Я говорю о моменте встречи Катерины Ивановны и Грушеньки, двух женщин, которые борются за старшего брата Карамазова Дмитрия (Митю). Поведение двух соперниц имеет двойной характер.

Изображая радушное приветствие, очарования и приличные манеры Катерина Ивановна целует ручку Грушеньки, предлагая ей мирное решение вопроса. Однако за этим следует сцена, обнажающая истинную натуру и Грушеньки, и Катерины Ивановны:

«А знаете что, ангел-барышня, – вдруг протянула она самым уже нежнейшим и слащавейшим голоском, – знаете что, возьму я да вашу ручку и не поцелую. И она засмеялась маленьким развеселым смешком.

– Как хотите... Что с Вами? – вздрогнула вдруг Катерина Ивановна.

– А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у вас нет.

Что-то вдруг сверкнуло в ее глазах. Она ужасно пристально глядела на Катерину Ивановну. – Наглая! – проговорила вдруг Катерина Ивановна, как бы вдруг что-то поняв, вся вспыхнула и вскочила с места. Не спеша поднялась и Грушенька.

– Так я и Мите сейчас перескажу, как вы мне целовали ручку, а я-то у вас совсем нет. А уж как он будет смеяться!

– Мерзавка, вон!

– Ах, как стыдно, барышня, ах, как стыдно, это вам даже и непристойно совсем, такие слова, милая барышня.

– Вон, продажная тварь! – завопила Катерина Ивановна. Всякая черточка дрожала в ее совсем исказившемся лице». [Ф.М. Достоевский. Соч. в 15 тт., т. 9, Братья Карамазовы, С. 205].

Можно сказать, что полифония в романах Достоевского – явление многогранное. Этот художественный принцип воплощается в тексте не только с помощью диалогов. Да, несомненно, диалоги персонажей – это реализация и художественное воплощение характеров, мыслей и идей героев, но Достоевский вводит в свое творчество понятие исповеди, или внутреннего монолога. С помощью этого приема тоже осуществляется полифонизм. Ведь между сознанием читателя и сознанием героя или нескольких героев устанавливается особая связь. Мы видим открытые «голоса», проникаемся идеями и идеалами героев, принимаем их, проживаем с ними роман от первой до последней страницы. Достоевский с великой силой поэтики приобщает читателя к голосам своих героев, заставляя сочувствовать, испытывать отвращение, боль, радость, благодаря использованию

приемов полифонизма.

Итак, мы приходим к выводу, что писатель в романе «Братья Карамазовы» для реализации принципа полифонизма использует различные виды диалогов.

Во-первых, это внешний диалог, сопровождающийся обсуждением, полемикой. Это столкновение нескольких точек зрения, нескольких сознаний героев, которые с убеждением могут отстаивать свои взгляды или сомневаться в них.

Во-вторых, это внутренний диалог, или исповедь. Читатель приобщается к миру героя, проникается симпатией или антипатией, но в любом случае воспринимает философию персонажа, как отдельно существующую, обособленную и никак не связанную с позицией автора.

И в-третьих, это диалог читателя и произведения в целом. Многоголосие в романе приводит читателя к своим собственным умозаключениям, выводам. На это влияет общая сумма всех «голосов» романа, включая и позицию автора. Каждый благодарный читатель, по моему мнению, после прочтения «Братьев Карамазовых» должен задаться вопросом о своих идеалах и, возможно, даже подвергнуть их сомнениям.

И, конечно, в заключении стоит привести цитату Бахтина, которая со всей полнотой характеризует принцип полифонизма в романах Достоевского: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского. Не множество судеб и жизней в едином объективном мире в свете единого авторского сознания..., но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность в единство некоторого события». [М.М. Бахтин. Соч. в 7 тт., т. 2, Проблемы творчества Достоевского, С. 7].